

УДК 81'37:398.224(=571.512)
DOI 10.25587/g9152-5906-4720-n

Е. Е. Жиркова

Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОБРАЗНОЙ ЛЕКСИКИ ОЛОНХО «НЮСЕР БЁГЁ» (в сравнении с ономотопами японского языка)

Аннотация. В статье представлены результаты компонентного анализа значений образной лексики якутского языка в сравнении с ономотопозитической лексикой японского языка на материале текста олонхо «Бюдюрюйбэт Нюсер Бёгё» сказителя Н. М. Тарасова и его перевода на японский язык. Цель исследования, предпринятого в рамках данной статьи, заключается в выявлении посредством компонентного анализа особенностей значения образной и ономотопозитической лексики в эпическом тексте, а также в определении универсального и специфичного в исследуемом материале двух неродственных языков. Актуальность обуславливается относительной малоизученностью содержательной характеристики образной лексики якутского языка, а также интересом к изучению семантической структуры слова в сравнительном аспекте. Применяемый метод компонентного анализа предполагает выделение интегральных и дифференциальных признаков значения, отличающих образную лексику от нейтральной. Для анализа значения слов использованы словарные дефиниции из «Большого толкового словаря якутского языка» и словарей ономотопозитических слов японского языка.

В ходе исследования выделено 26 единиц образных слов якутского языка и 18 единиц ономотопозитических слов. Из них только в трех случаях перевод образной лексики произведен посредством ономотопозитической. В остальных случаях образная лексика переведена с помощью близкой по значению, нейтральной лексики. Установлено, что образную и ономотопозитическую лексику объединяет наличие в их значении дополнительной дифференцирующей семы, указывающей на объект действия или описания, а также полисемичность за счет перехода от значения звукоподражания к представлениям о движении, состоянии или внешней форме. Отличительными чертами ономотопозитической лексики японского языка можно считать выделение семы, характеризующей психофизическое состояние объекта. Якутская образная лексика отличается тем, что в основном опирается на описание внешнего вида, физическую характеристику человека.

Ключевые слова: эпос, олонхо, якутский язык, японский язык, образная лексика, ономотопозитические слова, перевод, компонентный анализ, значение слова, интегральная сема, дифференциальная сема.

Е. Е. Zhirkova

Semantic features of the figurative vocabulary in the *Nyuser Bogyo* olonkho (in comparison with Japanese onomatopes)

Abstract. The article presents the results of a component analysis of the meanings of the figurative vocabulary of the Yakut language on the material of the olonkho *Budyuryubet Nyuser Bogyo* by the narrator N. M. Tarasov. Onomatopoeitic vocabulary of the Japanese language, found in the translation of the text of this olonkho into Japanese, is used as comparative material. The purpose of the study undertaken in the framework of this article is to identify, using component analysis, the features of the meaning of figurative and onomatopoeitic vocabulary in an epic text, as well as to determine the universal and specific Yakut and Japanese languages in the studied

ЖИРКОВА Евгения Егоровна – н. с. сектора «Лингвофольклористика» Научно-исследовательского института Олонхо Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова, Якутск, Россия.

E-mail: jenyasyr@mail.ru

ZHIRKOVA Evgeniya Egorovna – Researcher of the “Linguofolkloristics” sector, Olonkho Research Institute, North-Eastern Federal university, Yakutsk, Russia.

E-mail: jenyasyr@mail.ru

vocabulary. The relevance is determined by the relatively poorly understood content characteristics of the figurative vocabulary of the Yakut language, as well as by the interest in studying the semantic structure of the word in a comparative aspect. The applied method of component analysis involves the allocation of integral and differential signs of meaning that distinguish figurative vocabulary from neutral. This method is also used to detect similar and distinct features in the figurative vocabulary of the Yakut language and onomatopoeitic vocabulary of the Japanese language. To analyze the meaning of words, dictionary definitions from the *Big Explanatory Dictionary of the Yakut Language* and dictionaries of onomatopoeitic words of the Japanese language are used.

During the study, 26 units of figurative words of the Yakut language and 18 units of onomatopoeitic words were identified. Of these, only in three cases the translation of figurative vocabulary was made through onomatopoeitic. In other cases, figurative vocabulary was translated using similarly meaning neutral vocabulary. It was established that figurative and onomatopoeitic vocabulary are united by the presence in their meaning of an additional differentiating seme indicating an object of action or description, as well as polysemy due to the transition from the value of onomatopoeia to representations of movement, state or external form. The distinguishing features of the onomatopoeitic vocabulary of the Japanese language can be considered the allocation of seme, which characterizes the psychophysical state of the object. The Yakut figurative vocabulary is distinguished by the fact that it is mainly based on a description of the appearance and physical characteristics of a person.

Keywords: epic, olonkho, Yakut language, Japanese language, figurative vocabulary, onomatopoeitic words, translation, component analysis, word meaning, integral seme, differential seme.

Введение

В данной статье предпринята попытка выделить семантические составляющие образной лексики якутского языка в эпическом тексте на примере олонхо «Бюдюрүйбэт Нюсэр Бёгё» («Бүдүрүйбэт Нүһэр Бөҕө») сказителя Н. М. Тарасова [1] с целью определения особенностей их использования. Дополнительно был привлечен материал ономатопозитической лексики японского языка, извлеченный из перевода данного произведения на японский язык, для выявления типологически общего и частного в рассматриваемых единицах двух неродственных языков. Определение семантических составляющих образной лексики позволит выявить особенности данной лексики, в основе которой лежит сложный многокомпонентный образ значения представления или действия. Именно эта сложность значения выделяет образную лексику от общепотребительной нейтральной и является особенностью и богатством якутского языка.

Выбор в качестве материала исследования эпического текста определяется тем, что язык олонхо является вершиной устной словесности якутского народа, в котором сохранилась уникальная по богатству лексика, свидетельствующая о мастерском владении сказителя художественным словом и о характерной особенности его индивидуального творчества. Образная лексика в языке олонхо занимает особое место. Умение одним словом ярко изобразить сложную картину фрагмента действительности, с присущей ей эмоционально-экспрессивной характеристикой, которую эпическая аудитория сумеет понять и представить, является своеобразным показателем уровня мастерства сказителя. Выбор олонхо «Бюдюрүйбэт Нюсэр Бёгё» обусловлен тем, что это единственный эпический текст, переведенный на японский язык.

Актуальность исследования определяется тем, что содержательная характеристика образной лексики якутского языка изучена не в полном объёме. Кроме того, обращение к семантической структуре слов (с привлечением иноязычного материала для сравнения) представляет интерес в аспекте выявления межъязыковых универсалий и национальной специфики.

В исследовании, предпринятом в рамках предлагаемой статьи, применен метод компонентного анализа образной лексики, ориентированного на выделение ее интегральных и дифференциальных признаков, отличающих образную лексику от нейтральной. Данный метод используется также для обнаружения сходных и отличных черт в образной лексике якутского языка и ономатопозитической лексике японского языка. При компонентном анализе использованы словарные дефиниции, представленные в «Большом толковом словаре якутского языка» [2]. Определения значений японских ономатопозитических слов взяты из «Nihongo onomatore jiten» [3] («Словаря ономатопозитиков японского языка») и переведены автором статьи. Для полноты определения ономатопозитических слов языка в работе также использован «Толковый японско-русский словарь ономатопозитических слов» [4], составленный Н. Г. Румак и О. П. Зотовой (далее – ТЯРСОС).

Образная лексика якутского языка и оноματοпоэтические слова японского языка

Образная лексика якутского языка представляет собой особый пласт слов, который наблюдается не во всех языках. В якутском языкознании структурно-семантическая характеристика образной лексики представлена в трудах Л. Н. Харитонова «Неизменяемые слова в якутском языке» [5], «Типы глагольной основы в якутском языке» [6] и «Формы глагольного вида в якутском языке» [7]. Особенностью изучения образной лексики, в отличие от многих родственных тюркских и других языков, является то, что звукоподражательная лексика рассматривается отдельно как самостоятельная часть речи. Л. Н. Харитонов выделяет собственно образные слова, которых в якутском языке немного, образные глаголы и образованные от них образные прилагательные и образные наречия. Они в целом составляют образную лексику якутского языка.

Среди собственно образных слов в семантическом плане Л. Н. Харитонов выделяет слова зрительного образа (движения; внешнего вида, формы и структуры предмета; выражения глаз, взгляда; цвето-светового представления) и чувственного восприятия (психофизиологического состояния и ощущения вкуса и запаха) [8, с. 377-381]. Соответственно, образные глаголы якутского языка он делит на три основные группы: образные глаголы движения, глаголы зрительного образа и глаголы чувственного восприятия [8, с. 223-224]. Внутри каждой группы как в собственно образных словах, так и в образных глаголах идет разделение еще на более мелкие группы по семантическому признаку. К примеру, одной из наиболее широко представленных групп является группа глаголов зрительного образа, внутри которой идет разделение на: глаголы, характеризующие внешний вид, форму и структуру предмета (*дагдай* «казаться, выглядеть крупным, объемным, увеличиваться в размерах» [2, Т. 3, с. 77]); глаголы, характеризующие телосложение и фигуру человека (*бысхай* «быть, казаться полным» [2, Т. 2, с. 756]); глаголы, характеризующие мимику и лицо человека (*арсай* «скалить редкие зубы при улыбке, смехе» [2, Т. 1, с. 560]); глаголы, характеризующие световое восприятие (*кылбай* «светиться ярко; сиять белизной, белеть; быть, казаться ярким, светлым; сиять новизной, свежестью» [2, Т. 5, с. 225-226]).

На тот факт, что на семантику образного слова в якутском языке определенным образом влияет его звуковая оболочка, обратил внимание и предпринял специальное изучение в этом направлении Л. А. Афанасьев [9]. В своей работе автор вводит понятия «идеофонемы», которая обладает образным содержанием, влияющим на значение слова, и «модели», представляющей собой некий набор согласных идеофоном, формирующих семантическую основу образного слова. Модель в речи актуализируется посредством огласовки. В зависимости от того, какие гласные вошли в состав модели, образ, заключенный в ней, получает соответствующее пространственное содержание. Слова, образованные путем огласовки модели, называются вариантами. Например, слова *баллай*, *боллой*, *бэллэй*, *бөллөй* являются вариантами модели *б-лл-й*. Все они выражают общее представление об округлых, раздутых губах или лице, но в зависимости от гласной идеофонемы меняют оттенок значения.

Изучение семантики образных прилагательных было проведено С. Д. Егиновой [10] с привлечением в качестве сравнительного материала примеров из бурятского и киргизского языков. В ее монографии образные прилагательные исследованы в антропоцентрическом и когнитивном аспектах с полной семантической характеристикой, национальной детерминированностью. Особо отмечается трудность перевода образных прилагательных на другие языки в силу сложности и многокомпонентности их семантического содержания.

На основании изложенного можно сказать, что образная лексика якутского языка не обойдена вниманием исследователей. Вместе с тем, вопрос семантики образной лексики в части выявления компонентных составляющих ее значения, как нам представляется, может быть предметом для самостоятельного изучения.

В японском языкознании данную группу слов принято называть *гитайго* (в переводе 'слово, подражающее поведению, состоянию или ситуации'), которая соотносится с *гионго* ('слово, подражающее различным звукам неживой природы') и *гисэйго* ('слово, подражающее голосам людей и животных') [11, с. 10], являющимися звукоподражательными словами. В отечественном языкознании применяется термин «оноματοпоэтическая лексика», объединяющая в

единую группу *гитайго*, *гионго* и *гисэйго*, т. е. образоподражательные и звукоподражательные слова. Единица оноματοпозэтической лексики называется оноματοп.

Оноματοпозэтической лексике японского языка посвящен целый ряд работ, как японских, так и отечественных ученых. В рамках нашего исследования для нас значимыми являются работы: С. В. Чиронова [12], в которой дана содержательная характеристика форманной структуры оноματοпозэтических слов японского языка; Н. Г. Румак [13], изучавшей вопрос эквивалентности перевода японской оноματοпозэтической лексики; Х. Киндаити [14], исследовавшего содержательную сторону звуков в составе оноματοпозэтических слов; Х. Кобаяси [15], рассмотревшего основные принципы функционирования оноματοпов.

Разделение оноματοпозэтических слов на лексико-семантические группы представляется сложным, т. к. существует множество вариантов семантической классификации. Сложность разделения на группы объясняется субъективным характером восприятия «соотношения связанной и не связанной со звуком коннотацией оноματοпа в рамках одного значения» [12, с. 20]. Наиболее универсальным является разделение на группы следующим образом: звукоподражания (звуки живой природы и звуки неживой природы) и звукоизобразительные слова (психические, сенсорные и эмоциональные; физические: живой природы и неживой природы).

Как видно, принцип разделения на группы по значению несколько отличается от якутской образной лексики. Отдельной большой группой выделяются звукоизобразительные слова, характеризующие психическое и эмоциональное состояние человека, а также сенсорное восприятие окружающего мира, что можно отметить как отличительную черту японской оноματοпозэтической лексики. Якутской образной лексике больше свойственен акцент на описание физического состояния, внешнего вида предмета или человека.

Семантические особенности образной и оноματοпозэтической лексики в тексте олонхо «Бюдюрюйбэт Нюсэр Бёгё»

Ранее текст олонхо «Бюдюрюйбэт Нюсэр Бёгё» («Бүдүрүйбэт Нүһэр Бөҕө») сказителя Н. М. Тарасова [1] становился объектом моего исследования с точки зрения эквивалентности и адекватности перевода единиц образной лексики на японский язык [16]. В данной статье, рассматриваются семантические особенности образной лексики, выявленной в тексте олонхо, в сравнении с оноματοпами, встречающимися в переводном японском тексте, с целью выделения минимальных семантических составляющих образных и оноματοпозэтических слов и установления универсальных и специфических черт данной лексики в якутском и японском языках.

Олонхо «Бюдюрюйбэт Нюсэр Бёгё» было записано в 1999 г. В. В. Илларионовым и Ямасита Мунэхиса, филологом-переводчиком, который перевел первую часть данного олонхо на японский язык. В 2001 г. переведенная часть была опубликована в книге «Исследования по эпохам». Особенностью данного текста олонхо является то, что перевод был осуществлен без языка-посредника, напрямую с якутского на японский, преподавателем университета Вако Ямасита Мунэхиса, хорошо владеющим якутским языком. По признанию самого переводчика, «чтобы быть близким к впечатлению от настоящего повествования, был сделан дословный перевод» [1, с. 205].

Первая переведенная часть олонхо содержит 1340 строк (в полном тексте олонхо – 3 125 строк), из которой было выделено 26 единиц образных слов якутского языка (с повторяющимися единицами – 32) и 18 единиц оноματοпозэтических слов (далее гитайго) японского языка (с повторяющимися единицами – 22).

Из всей переведенной на японский язык части текста олонхо мы обнаружили только в трех случаях перевод образной лексики посредством гитайго. Именно эти примеры являются для нас особенно ценными, т. к. при разбивке на минимальные семантические единицы они позволяют демонстрировать сходства и различия образной и оноματοпозэтической лексики якутского и японского языков.

<i>Айаннатан кэлбит киһи</i> быһыытынан	Nagatabi kara kaette kita hito	Как человек, вернувшийся с пути,
<i>Арбаһын тэбэнэн</i>	Kubisuji no hokori wo	Отряхнув спину,
<i>Ааданныы турар эбит,</i>	haraiotoshite	Стоял и медленно двигался .
<i>Суолтан кэлбит киһи</i> быһыытынан	Nosonoso shite iru no de ari, Tabi kara kaetta kita hito	Как человек, вернувшийся с дороги,
<i>Сонун тэбэнэн</i>	no yo:ni	Отряхнув тулуп,
<i>Суоданныы турар эбит</i> [1, с. 186].	Gaito: no hokori wo haraiotoshite	Стоял и еле-еле двигался [Пер. наш].
	Yoroyoro to shite iru no de aru [1, с. 186].	

Образный глагол *ааданнаа* в «Толковом словаре якутского языка» определяется как «двигаться медленно, размеренно, вразвалку (о крупнотелом, грузном медлительном человеке)» [2, Т. 1, с. 124]. Компонентный анализ данного слова показывает разделение на следующие семы: двигаться; медленное движение; движение вразвалку; грузный человек. Интегральной семой данного слова является общее значение «двигаться». Дифференцирующими семой выступает «медленное движение» и «движение вразвалку», определяющие характер движения. Именно эти семы отличают данное слово, к примеру, от *ааданхалаа* («двигаться энергично, порывисто, широкими шагами, но неловко и неуклюже (о крупном, полном, нескладном человеке)»). Еще одной дифференцирующей семой является объект, совершающий это действие, точнее фигура объекта, также определяющая характер этого действия.

В японском варианте текста олонхо подобрано гитайго *nosonoso*, введенное с помощью служебного глагола «делать» *suru*, что наделяет его функциями глагола. Это слово в японском словаре имеет значение «ходить медленно, двигаться неповоротливо, тяжелой походкой; быть несообразительным, двигаться вяло, медлительно» [пер. наш] [3, с. 366]. В ТЯРСОС дано более лаконичное определение «медленные движения, медлительность» [4, с. 308]. Из этих двух определений выводим интегральную сему гитайго *nosonoso* – общее значение «ходить, двигаться»; дифференцирующие семы – «медленное движение», «неповоротливость», «тяжелая походка» и «несообразительность». В ТЯРСОС также указывается, что при добавлении суффикса *-ri* и вспомогательного глагола *shita nosorinosori shita* приобретает значение «громоздкий», что приближает к значению якутского образного слова. Однако важным отличием значения японского ономатопоэтического слова остается сема «несообразительность», которая добавляет в значение слова психофизическое состояние объекта.

Здесь мы наблюдаем практически полное совпадение значений при переводе образного глагола на японский язык, которое позволяет более ярко, детально передать описанную ситуацию.

Во втором примере образный глагол *суоданнаа* имеет значение «двигаться, ходить медленно, размеренно или еле-еле, нехотя (о ком-либо крупном, высоко неуклюжем)» [2, Т. 9, с. 135]. Интегральной семой выступает значение «двигаться, ходить». Характер движения, ходьбы определяется как «размеренный», «нехотя». Объектом, совершающим действие, является «крупный, высокий человек». Дополнительной характеристикой к объекту действия будет «неуклюжесть». Значение слова *суоданнаа* имеет более сложную структуру и включает в себя помимо характера движения еще и подробную характеристику объекта, совершающего действие.

Японское гитайго *yoroyoro* означает «идти шаткой походкой, как будто сейчас упадет; быть неустойчивым; быть слабым, еле держаться на ногах» [пер. наш] [3, с. 500]. В ТЯРСОС дается следующее определение: «дрожание ног, потеря равновесия от физической слабости, усталости либо от потрясения» [4, с. 473]. Поэтому интегральная сема – «движение», определяющие характер этого движения дифференцирующие семы – «дрожание», «шаткость», «физическая слабость», «усталость», «потрясение», «неустойчивость». Японское гитайго описывает больше не движение, действие, а скорее физическое состояние описываемого.

При сравнении со значением якутского образного слова становится ясно, что значения якутского и японского слов совпадают не полностью. В якутском языке если речь идет о медленной

походке крупного человека, то в японском – на первый план выходит физическое состояние, вследствие чего описываемый объект дрожит или шатается.

Следующий пример помимо того, что перевод якутского образного слова произведен посредством гитайго, интересен еще и тем, что здесь мы сталкиваемся с полисемичным ономато-поэтическим словом.

Словосочетание *адаар хара тыа* ‘с торчащими в разные стороны ветками темный лес’, состоящее из образного прилагательного, прилагательного и существительного, является широко распространенным в олонхо и в художественной литературе. Входящее в состав этого словосочетания образное прилагательное *адаар* означает «торчащие в разные стороны, как бы разбросанные во все стороны (напр., о ветвях деревьев); торчащий множеством остроконечных пиков (о цепи гор)» [2, Т. 1, с. 281]. Общий интегральный признак прилагательного *адаар* является «внешняя форма предметов». В эту лексико-семантическую группу можно также отнести образные прилагательные *оллороот-боллороот* «ухабистый, неровный» [2, Т. 7, с. 256], *сэлтэгэр* «утолщенный, вздутый на конце» [2, Т. 9, с. 561] и др. Дифференцирующим признаком выступает «торчащая форма».

То же образное прилагательное *адаар* встречается еще несколько раз в исследуемом тексте олонхо в составе словосочетания *адаар муостаах* («рогатый крупный скот» [2, Т. 1, с. 281]), которое является устойчивым, часто встречаемым во многих текстах олонхо и в художественной литературе эпитетом. На японский язык это устойчивое словосочетание переведено с помощью экспликации: *ookina tsuno no haeta kachiku* ‘домашний скот, у которого выросли огромные рога’. В данном случае переводчик не стал использовать буквальное значение «имеющий рога, торчащие в разные стороны».

Словосочетание *адаар хара тыа* переведено как *kigi wa kushakusha ni midareta kuroi mori* (букв. «с беспорядочными деревьями черный лес»). Японский перевод состоит из следующих слов: существительное (*kigi* ‘деревья’), гитайго-наречие (*kushakusha ni*), глагол (*midareta* ‘быть в беспорядке’), прилагательное (*kuroi* ‘черный’), существительное (*mori* ‘лес’). Значение слова *kushakusha* широко: в японском словаре дается определение «1. звук при сжимании или комкании бумаги, одежды, винила и т. п., а также как результат этого складки, сильная мягкость бумаги, ткани, кожи и т. п.; 2. состояние расстроенности, меланхолии, раздраженности; 3. состояние беспорядочности, растрепанности; 4. жевать с неохотой еду; 5. ворчать тихо под носом, бормотать» [пер. наш] [3, с. 121], в ТЯРСОС – «1. весь в складках или морщинах, потерявший форму предмет; 2. состояние неуспокоенности, расстроенные чувства; 3. невнятное бормотание про себя; тж. нытье, жалобы» [4, с. 102-103]. Как видно из определений, *kushakusha* является полисемичным ономатопоэтическим словом. Как отмечает Н. Г. Румак, значения полисемических ономатопоэтических слов «развиваются по общим правилам, от более конкретного к абстрактному, путем метафорического и/или метонимического переноса» [17, с. 23]. Так, на примере слова *kushakusha* мы видим переход от звука к состоянию предмета, затем психологическому состоянию и далее к ассоциации с действием, связанным с жеванием и бормотанием. Такая схема перехода значения была описана Н. Г. Румак в ее статье о полисемичных ономатопоэтических словах, в которых были рассмотрены более трехсот многозначных единиц [17, с. 23].

Практически идентичный переход значения в якутской образной лексике отмечал Л. Н. Харитонов на примере слова *сын*: «*сын* в качестве звукоподражательного слова воспроизводит свистящий звук от быстрого короткого взмаха тонкого прутика» [6, с. 202]. По ассоциации движения предметов, производящих свистящий звук, «слово *сын* становится образным выражением движения, поражающего своей быстротой и легкостью: *сын гынан хаал* – быстро шмыгнуть, исчезнуть моментально, *сын гыннар* – схватить, взять что-либо очень легко и быстро. Далее, представление о быстром движении связывается с представлением о форме движущегося тела. Отсюда понятно возникновение образного слова *сын курдук* – “легкий”, “стройный”, “способный к быстрому движению” (о телосложении)» [6, с. 202]. Таким образом, в семантике слова *сын* совмещены три различных смысловых аспекта: звучание, движение, внешняя форма. Однако, как отмечает Л. Н. Харитонов, такое сочетание в якутском языке достаточно редко. Чаще всего звукоподражательные слова приобретают лишь одно образное значение [6, с. 202]. Многозначность образного слова, не имеющего звукоподражательного происхождения,

еще не стало объектом специального исследования, однако, при рассмотрении значений таких слов становится ясным, что многозначных образных слов немного. В основном, их многозначность определяется сужением или расширением значения за счет изменения объекта описания. Например, *килэй* «1. блестеть (о гладкой и прозрачной поверхности, напр., льда, стекла); 2. блестеть, разливаясь, растекаясь по поверхности чего-л. (напр., о воде, луже)»; 3. сверкать, блестеть (напр., о зубах, животе; о чем-л. на темном фоне) [2, Т. 4, с. 107].

Таким образом, в примере перевода якутского образного прилагательного *адаар* посредством полисемичного гитайго *kushakusha* использовано значение «состояние беспорядочности, растрепанности», которое чаще всего относится к волосам. Отсюда и аналогия со словом *адаар*, определяющимся как «торчащие в разные стороны».

Следующий пример примечателен тем, что образное прилагательное в этот раз передано нейтральной лексикой, что позволяет демонстрировать отличие образной лексики от нейтральной, общеупотребительной:

<i>Бу бухатыыр...</i>	Kono eiyu:...	Этот богатырь...
<i>Алта былас</i>	Roku hiro	В шесть маховых саженей
<i>Дараҕар сарыннаах...</i>	Totemo hiroi kata ga ari,...	С широкими плечами, ...
[1, с. 179].	[1, с. 179].	[пер. наш].

Образное прилагательное *дараҕар* в «Толковом словаре якутского языка» объясняется как «широкий, большой (о плечах); плечистый» [2, Т. 3, с. 108]. Образовано от образного глагола *дарай*, означающего «иметь широкие плечи; быть, казаться широкоплечим» [2, Т. 3, с. 108]. Из определения видим, что *дараҕар* имеет интегральный признак «размер» в описании внешности человека. Дифференциальными семами являются «широкий» и «плечи». Нейтральное по значению слово *кэтит*, который в словаре указан как «1. широкий (большой в поперечнике); 2. *выс. стиль.* обширный, необозримый, беспредельный, безграничный (обычно о стране, океане, небе и др.); 3. *перен., выс. стиль.* прочный, основательный, крепкий (обычно о зажиточном хозяйстве); 4. *перен.* раздольный, с размахом; обширный» [2, Т. 5, с. 581], хоть и имеет широкое значение, но не указывает конкретный объект описывания. Отличие образного прилагательного от нейтрального заключается в том, что в семантике образного слова уже заложена сема «плечи», т. е. *дараҕар* применим только к описанию размеров плеч, что делает его значение более узким и конкретным.

В японском переводе использовано словосочетание *totemo hiroi*, что означает «очень широкий». Прилагательное *hiroi* относится к нейтральной лексике, имеет значение «широкий; обширный; просторный; большой, поместительный (о помещении)», в основном, употребляется в описании размеров пространства (*hiroi heya* ‘широкая комната’), может употребляться в переносном значении (*gakumon no hiroi hito* ‘человек обширных знаний’). В якутском языке соотносится с прилагательным *кэтит*, т. к. не имеет семы «плечи».

Заключение

В исследуемом тексте олонхо и его переводе на японский язык обнаружено только три случая перевода образной лексики посредством гитайго, и в одном случае – перевод близким по значению нейтральным словом, не имеющим дифференциальных сем. Компонентный анализ значений обнаруженных единиц образной и ономотопозитической лексики показал разные результаты:

- в первом случае наблюдается практически полное совпадение значений, за исключением дополнительного дифференциального признака, добавляющего значение психофизического состояния;

- во втором случае значения якутского и японского слов совпадают не полностью в силу того, что на первый план значения гитайго выходит физическое состояние описываемого, а не движение;

- в третьем случае несмотря на полисемичность гитайго значение якутского образного слова в контексте, данном в олонхо, совпадает с японским;

- четвертый пример демонстрирует отличие образной лексики от нейтральной за счет дифференцирующих сем, уточняющих и конкретизирующих значение.

Таким образом, рассмотрев семантические составляющие образной лексики в тексте якутского олонхо с привлечением сравнительного материала ономастопозитических слов из перевода олонхо на японский язык, мы пришли к выводу, что отличительной чертой семантики образной лексики якутского языка, как и ономастопозитических слов японского языка, являются их дополнительные дифференцирующие семы, которые максимально детализируют объект действия или описания. Однако в японской ономастопозитической лексике существует ряд полисемичных слов, которые обладают общим семантическим признаком, но в зависимости от контекста могут применяться для обозначения разных предметов и явлений действительности. Якутская образная лексика с точки зрения сочетаемости с другими словами в большинстве случаев «предсказуема» за счет узких и конкретных значений слова. Вместе с тем, в ней также обнаруживаются полисемичные слова, которые имеют несколько значений за счет перехода звукоподражания к представлениям о движении или внешней формы, а также сужения или расширения значения при изменении описания объекта. Кроме того, в японской ономастопозитической лексике характерно выделение на первый план психофизического состояния человека. В этом отношении якутская образная лексика больше опирается на описание внешнего вида, физическую характеристику человека.

Перспективы дальнейшего исследования значения образной лексики якутского языка мы видим в обращении к большему объему материала данной лексики.

Литература

1. Бүдүрүйбэт Нүһэр Бөбө (текст олонхо на якутском и японском яз.) // Олонхо ытык эйгэтэ. – Якутск : Медиа-холдинг Якутия, 2010. – С. 164-208. (На якутском яз.)
2. Толковый словарь якутского языка. Т. 1-15 / Под ред. П. А. Слепцова. – Новосибирск : Наука, 2004-2018.
3. Nihongo onomatopoe jiten / Oono Masahiro. – Tokyo : Shogakukan, 2007. – 701 p.
4. Толковый японско-русский словарь ономастопозитических слов / Н. Г. Румак, О. П. Зотова. – Москва : МОНОГАТАРИ, 2012. – 496 с.
5. Харитонов Л. Н. Неизменяемые слова в якутском языке. Пособие для учителей. – Якутск : Гос. изд-во ЯАССР, 1943. – 84 с.
6. Харитонов Л. Н. Типы глагольной основы в якутском языке. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1954. – 312 с.
7. Харитонов Л. Н. Формы глагольного вида в якутском языке. – Москва ; Ленинград : Наука, 1960. – 179 с.
8. Грамматика современного якутского литературного языка. Фонетика и морфология / ред. кол. : Е. И. Коркина, Е. И. Убрятова, Л. Н. Харитонов и др. – Москва : Наука, 1982. – 496 с.
9. Афанасьев Л. А. Фоносемантика образных слов якутского языка : автореф. дисс. ... к. филол. н. – Якутск, 1992. – 21 с.
10. Егинова С. Д. Образные прилагательные якутского языка. – Новосибирск : Наука, 2014. – 231 с.
11. Подшибякина А. А. Ономастопозитическая лексика в японском языке. – Москва : Муравей, 2003. – 33 с.
12. Чиронов С. В. Ономастопозитические слова в современном японском языке : проблемы функционирования : дисс. ... к. филол. н. – Москва : МГУ им. М. В. Ломоносова, 2004. – 221 с.
13. Румак Н. Г. Теоретические и практические проблемы межъязыковых соответствий (на примере ономастопозитической лексики японского языка) : дисс. ... к. филол. н. – Москва, 2007. – 155 с.
14. Kindaichi H. Giongo-gitaigo gaisetsu // Giongo-gitaigo Jiten. – Tokyo : Kadokawashoten, 1978. – С. 3-25. (На япон. яз.)
15. Kobayashi H. Kokugo sho:cho:on-no kenkyu // Gengogaku houhou rankou. – Tokyo : Sanseido, 1935. – pp. 1313-1359. (На япон. яз.)
16. Жиркова Е. Е. Особенности перевода образной лексики на японский язык текста олонхо «Бюдюрүйбэт Нюсэр Бөгө» Н. М. Тарасова // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова. – 2017. – № 4 (60). – С. 85-92.
17. Румак Н. Г. Полисемичные ономастопозитические слова в японском языке // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. – 2018. – № 1. – С. 21-30.

References

1. *Buduruibet Nuher Bege (tekst olonkho na yakutskom i yaponskom yaz.)* [Stumbling Nuser Bege (olonkho text in Yakut and Japanese)]. In: *Olongkho ytyk eigete* [Sacred world of olonkho]. Yakutsk, Media-kholding Yakutiya, 2010, pp. 164-208. (In Yakut)
2. *Tolkovyiy slovar' yakutskogo yazyka. T. 1-15* [Large explanatory dictionary of Yakut language. Vol. 1-15]. Pod red. P. A. Sleptsova. Novosibirsk, Nauka, 2004-2018.
3. *Nihongo onomatope jiten* [Onomatopoeic dictionary of Japanese language]. Oono Masahiro. Tokyo, Shogakukan, 2007, 701 p. (In Japanese)
4. *Tolkovyiy yaponsko-russkii slovar' onomatopoeicheskikh slov* [Explanatory Japanese-Russian Dictionary of Onomatopoeic Words]. N. G. Rumak, O. P. Zotova. Moscow, MONOGATARI, 2012, 496 p.
5. Kharitonov L. N. *Neizmenyaemye slova v yakutskom yazyke. Posobie dlya uchitelei* [Uninflected words in the Yakut language. Teacher Manual]. Yakutsk, Gos. izd-vo YaASSR, 1943, 84 p. (In Russ.)
6. Kharitonov L. N. *Tipy glagol'noi osnovy v yakutskom yazyke* [Types of verb stem in the Yakut language]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1954, 312 p. (In Russ.)
7. Kharitonov L. N. *Formy glagol'nogo vida v yakutskom yazyke* [Verb forms in the Yakut language]. Moscow, Leningrad, Nauka, 1960, 179 p. (In Russ.)
8. *Grammatika sovremennogo yakutskogo literaturnogo yazyka. Fonetika i morfologiya* [Grammar of the modern Yakut literary language. Phonetics and morphology]. Red. kol.: E. I. Korkina, E. I. Ubryatova, L. N. Kharitonov i dr. Moscow, Nauka, 1982, 496 p. (In Russ.)
9. Afanas'ev L. A. *Fonosemantika obraznykh slov yakutskogo yazyka* [Phonosemantics of figurative words of the Yakut language]. Avtoref. diss. ... k. filol. n. Yakutsk, 1992, 21 p. (In Russ.)
10. Eginova S. D. *Obraznye prilagatel'nye yakutskogo yazyka* [Figurative adjectives of the Yakut language]. Novosibirsk, Nauka, 2014, 231 p. (In Russ.)
11. Podshibyakina A. A. *Onomatopoeicheskaya leksika v yaponskom yazyke* [Onomatopoeic vocabulary in Japanese]. Moscow, Muravei, 2003, 33 p. (In Russ.)
12. Chironov S. V. *Onomatopoeicheskie slova v sovremennom yaponskom yazyke: problemy funktsionirovaniya* [Onomatopoeic words in modern Japanese: problems of functioning]. Diss. ... k. filol. n. Moscow, MGU im. M. V. Lomonosova, 2004, 221 p. (In Russ.)
13. Rumak N. G. *Teoreticheskie i prakticheskie problemy mezhyazykovykh sootvetstviy (na primere onomatopoeicheskoi leksiki yaponskogo yazyka)* [Theoretical and practical problems of interlanguage correspondences (on the example of the onomatopoeic vocabulary of the Japanese language)]. Diss. ... k. filol. n. Moscow, 2007, 155 p. (In Russ.)
14. Kindaichi H. *Giongo-gitaigo gaisetsu* [The main features of onomatopoeic and sound words of the Japanese language]. In: *Giongo-gitaigo Jiten* [Dictionary of onomatopoeic and phonetic words of the Japanese language]. Tokyo, Kadokawashoten, 1978, pp. 3-25. (In Japanese)
15. Kobayashi H. *Kokugo sho:cho:on-no kenkyu* [Study of sound symbolism in Japanese language]. In: *Gengogaku houhou rankou* [Linguistic methodology]. Tokyo, Sanseido, 1935, pp. 1313-1359. (In Japanese)
16. Zhirkova E. E. *Osobennosti perevoda obraznoi leksiki na yaponskii yazyk teksta olonkho "Byudyuryuibet Nyuser Bege" N. M. Tarasova* [Peculiarities of Translation of Image-Bearing Vocabulary into Japanese in Olonkho Text "Byudyuryuibet Nyuser Bege" by N. M. Tarasov]. In: *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta imeni M. K. Ammosova* [Vestnik of North-Eastern Federal University]. 2017, No. 4 (60), pp. 85-92. (In Russ.)
17. Rumak N. G. *Polisemichnye onomatopoeicheskie slova v yaponskom yazyke* [Polysemic onomatopoeic words in Japanese]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 13. Vostokovedenie* [Bulletin of Moscow university. Series 13. Oriental studies]. 2018, No. 1, pp. 21-30. (In Russ.)